

18+

Анжелика Мухина

**Спасенные
обломки души**

*Страдание или
любовь?*

Анжелика Мухина

**Спасенные обломки души.
Страдание или любовь?**

«Издательские решения»

Мухина А.

Спасенные обломки души. Страдание или любовь? / А. Мухина —
«Издательские решения»,

Тинкербель умирает. Медленно. В тишине. Прямо на глазах у того, кто не умеет смотреть. Артем не знает, что такое любовь и сочувствие. Он вообще ничего не знает о ней — пока она не падает в обморок у него на глазах. Врачи принимают его за её парня. У него есть шанс уйти. Он остаётся. И это решение либо спасёт их обоих, либо добьёт окончательно. Эта книга — про страх шагнуть туда, где тебя разденут до костей. Тинки боится еды. Артем — чувств. А ты? Ты боишься увидеть в них себя?

© Мухина А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Преддверие бездны	6
Глава 2: Холодный взгляд и падающая звезда	11
Глава 3: Диагноз и неловкая ложь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Спасенные обломки души Страдание или любовь?

Анжелика Мухина

© Анжелика Мухина, 2026

ISBN 978-5-0070-7907-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Преддверие бездны

За окном общежития — серое, как старая простыня, небо. Дождь идет уже третьи сутки подряд. Он не прекращается ни на минуту, и кажется, что сам город плачет в бессильной агонии. Комната Тинкербель — на пятом этаже. Маленькая, с облупившимся потолком и батареей, которая еле греет. Но она не замечает холода. Она уже давно не чувствует температуры — только цифры на весах и стук собственного сердца, который с каждым днем становится все тише и тише.

Тинки — это имя, которое напоминает ее фей из книжек. Но сейчас она уже не фея. Она — воин, который ведет войну с собственным телом каждый божий день. Она невысокая — всего 163 сантиметра. Глядя на нее со стороны, можно подумать, что перед тобой фарфоровая статуэтка, которую случайно поставили на студенческую парту, а ей всего лишь 20 лет. Ее вес — мал. Но для Тинкербель это — приговор. Она видит каждую косточку, каждую складочку кожи, каждый сантиметр, который, как ей кажется, выпирает там, где должен быть идеальный провал.

Ее волосы — это густая, черная как смоль грива. Когда она распускает их, они падают до талии, тяжелые и блестящие, как шелк, пропитанный ночью. Она любит их ненавидеть. Она собирает их в тугий пучок, чтобы они не мешали, но они все равно выбиваются, обрамляя ее овальное лицо — лицо с острыми скулами, которые уже начинают проступать слишком отчетливо, и тонкими, как паутинка, губами, которые вечно потресканы от того, что она пьет слишком мало воды.

Но самое прекрасное в Тинки — это ее глаза. Они не имеют постоянного цвета. Хамелеоны, которые выдают ее состояние. Когда она спокойна — они болотные, с золотыми крапинками. Когда она плачет, они становятся мокро-зелеными, как листва после грозы. Когда она зла или голодна — что, в принципе, одно и то же — они темнеют до цвета стали, почти черные, и тогда в них отражается бесконечная глубина ее личного ада. Когда она читает — а она читает постоянно, потому что книги — это единственный наркотик, который позволяет ей забыть о голоде, — ее глаза светлеют до цвета осеннего неба, до прозрачной бирюзы.

Она учится на юриста. Тинкербель выбрала это направление не потому, что мечтала о суде или о том, чтобы защищать невиновных. Нет. Она выбрала это, потому что закон — это структура. Это четкие правила. Если она выучит все статьи, все параграфы, все кодексы, она сможет контролировать хаос своей жизни. Она будет знать, как правильно. Она будет идеальной студенткой — лучшей на курсе. Она получает одни пятерки, преподаватели хвалят ее память и аналитический ум. Она пишет курсовые работы с каллиграфической точностью, цитируя источники без единой ошибки. Но никто не знает, что во время лекции она сидит и считает: «Сколько калорий она потратила, пока шла от автобусной остановки до университета? 42? 45?» Никто не знает, что она записывает лекции дрожащей рукой, потому что уровень сахара в крови упал до критической отметки. Никто не знает, что в туалете между парами она просто опирается на стену и закрывает глаза, чтобы не упасть в обморок.

Она хочет быть идеальной. Это началось не вчера. Это началось в 14 лет, когда она увидела фотомоделю в журнале и поняла: она не такая. Она решила, что если она будет худой, то будет красивой. Если будет красивой, то будет любимой. Если будет любимой, то ее существование обретет смысл. Но она не понимала, что идеал — это мираж. Чем ближе она подхо-

дила к нему, тем дальше он отступал. Сейчас, при весе в 50 кг, она смотрит на свои бедра и видит «лишнее». Она проводит пальцами по ребрам и считает их — они должны выступать как клавиши пианино. Она хочет, чтобы при каждом вдохе ее ключицы были видны даже сквозь водолазку.

Ее комната — это храм книг. Они повсюду: на подоконнике, на полу, на столе, даже на батарее, которую она обкладывает томиками Пушкина и Гоголя, чтобы они впитали тепло. Она любит читать, потому что книги поддерживают ее. Они дают ей то, что реальность отнимает — смысл. В книгах страдают герои, и их страдания имеют причину. В книгах есть мораль, есть прощение, есть катарсис. В реальности же — только голод, холод и вечная погоня за идеалом, которого не существует. Каждое утро в 6:55 она просыпается. Она не спит нормально уже два года — сон прерывистый, тревожный, потому что желудок ноет и урчит, а мозг генерирует кошмары, в которых она съедает кусок хлеба и превращается в гору жира. Она встает, босиком ступает на холодный линолеум, и первое, что она делает — шаг на весы. 49.2. Она выдыхает. Ей стало на несколько граммов легче, чем вчера. Значит, она может жить еще один день. Если бы стрелка показывала 49.5 или 50 — она бы разрыдалась прямо здесь, в тишине утра.

Свою еду она не называет завтраком. Это «утренний прием пищи». Она ставит на стол кухонные весы — маленькие, которые всегда лежат в ее рюкзаке, чтобы она могла взвесить еду в столовой, если подруга пригласит ее пообедать. Она отмеряет ровно 20 граммов овсяных хлопьев. Она высыпает их в белую пиалу, добавляет 70 миллилитров кипятка — не больше, потому что вода тоже имеет вес. Она ест медленно, растягивая удовольствие, делая вид, что в тарелке — роскошный обед. На самом деле — это горсть сухого зерна, размоченного в воде. Она жует до тех пор, пока овсянка не превращается в кашу, и глотает с трудом, потому что пищевод сжался от голода. Тинкербель знает наизусть таблицы энергетической ценности всех продуктов. В вареном яйце — 155 калорий. В кусочке черного хлеба — 70. В яблоке — 45 — 80 в зависимости от сорта. Она не покупает продукты, у которых нет этикетки, потому что она должна точно знать, сколько она съедает. Ее лимит — очень мало калорий в день. Она чувствует, как от этого кружится голова, как темнеет в глазах, но она знает: это плата за право быть совершенной. Панический страх перед едой — это что-то большее, чем отвращение. Это ужас, который сжимает горло. Когда соседка по комнате — добрая, но ничего не замечающая Лена — приносит пирожки от своей бабушки и ставит их на стол со словами: «Тинки, угощайся!», у Тинкербель внутри начинается шторм. Адреналин зашкаливает, сердце колотится как у загнанной птицы. Она чувствует, как пирожок излучает калории, как они проникают в ее кожу через запах. Она улыбается, говорит: «Спасибо, Лен, но я уже завтракала», и забирает пирожок в свою комнату. Там она аккуратно заворачивает его в фольгу и кладет в ящик стола — туда, где уже лежат шесть таких же пирожков, шоколадка, батончик, сухофрукты и пачка печенья. Ее «склеп отвергнутой еды». Она открывает этот ящик, смотрит на него, как на музейный экспонат, и закрывает. Она победила. Она не съела. Она сильнее.

И в 3 часа ночи, когда Лена спит, Тинкербель включает на ноутбуке видео-тренировки. Сайлент-кардио — тренировки без звука. Она ставит громкость на минимум, надевает наушники и начинает прыгать, приседать, делать выпады, планку, берпи. Она не смотрит на себя в зеркало — она боится увидеть свое отражение. Она смотрит на экран, где тренер улыбается и говорит беззвучно: «Сжигай, сжигай, сжигай!». Она прыгает, пока пот не начинает заливать глаза. Она чувствует, как сердце бьется где-то в горле, как в груди разрываются сосуды. И она продолжает. Она должна сжечь 300 калорий. Только тогда она сможет лечь спать. Ее тело уже истощено. Но она виртуозно скрывает это. Огромные свитера — ее доспехи. Она покупает одежду на два размера больше, чтобы никто не увидел, как выпирают ключицы и позвонки. На

ней всегда огромный серый кардиган, который доходит до колен, и длинная юбка, скрывающая ноги, на которых уже появилась синеватая сетка вен. Она улыбается — вечная, яркая улыбка, которой она научилась в 16 лет, когда поняла, что если она будет выглядеть счастливой, то никто не будет задавать вопросов. На парах она сидит с прямой спиной, записывает лекции аккуратным почерком, отвечает на вопросы профессоров с блеском в глазах. Но в перерыве она уходит в туалет и стоит там, прислонившись к стене, чтобы перевести дыхание, потому что в воздухе не хватает кислорода, а в ее крови — глюкозы.

Родителям она звонит каждый вечер в 20:00. Мама — Ирина Сергеевна, врач в районной поликлинике. У нее вечно уставшее лицо, мешки под глазами, седые волосы, которые она красит в светло-русый, но седина все равно пробивается. Она говорит с Тинки мягко, тревожно: «Доченька, ты поела? Ты кутаешься? Ты такая бледненькая, передать тебе витаминов?». Папа — Виктор Павлович, инженер на заводе. Молчаливый, тяжелый мужчина, который любит свою дочь вязкой, молчаливой любовью. Он обычно молчит в трубку, но перед тем, как дать трубку маме, произносит: «Держись там. Мы гордимся тобой».

Тинки улыбается в телефон. «Все хорошо, мам. Я поела суп. Нет, я не худею, что ты, наоборот, поправилась. Конечно, я надеваю шапку». Она врет легко, гладко, без запинки. Она научилась врать так убедительно, что сама иногда верит. Она не хочет, чтобы они волновались. Они и так работают как лошади, чтобы оплачивать ее учебу. Она не имеет права быть обузой. Она должна быть идеальной дочерью. Успешной. Счастливой. Но внутри нее — разрыв. Она хочет, чтобы кто-то обнял ее и сказал: «Ты не должна быть идеальной. Ты просто должна быть». Но она не знает, как произнести эти слова вслух. Она боится, что, если откроет рот, из него вырвется рыдание, а если она начнет рыдать, она не сможет остановиться. И тогда мир рухнет.

Артем снимает квартиру в новом микрорайоне, на окраине города. Дорогая, стерильная квартира в свежестроенной высотке — стекло, бетон, панорамные окна, из которых видно серую реку и старые крыши. Он приехал сюда из Санкт-Петербурга на стажировку в городском суде. На два года. Он выбрал этот город, потому что здесь тихо, здесь никто не лезет в душу, и здесь он может сосредоточиться на карьере. Он хочет стать судьей. Он хочет быть идеальным в своей профессии. Он хочет, чтобы его имя произносили с трепетом, как орудие правосудия. Артему 22 года. Он высокий — 188 сантиметров. Мощное, накачанное тело — он ходит в спортзал шесть раз в неделю, потому что тренировка — единственное время, когда он не думает. Широкие плечи, квадратная челюсть, руки с выступающими венами. Он выглядит как древнеримский статуя — если бы статуи умели носить черные пальто от Armani и пахнуть парфюмом с нотами кожи, имбиря и табака. Он брюнет. Его волосы — черные, коротко стриженные, но на висках они вьются, непослушные, как у мальчишки. Лоб — высокий, широкий, с едва заметными морщинами, которые появились от постоянного напряжения. Он всегда сжимает челюсть — так сильно, что мышцы на скулах перекачиваются, как тугие шары.

Его глаза — голубые. Не мягкие, не летние, не те, в которых купается солнце. Нет. Его глаза — как лед Байкала в середине февраля. Холодные, прозрачные, с острыми, как трещины, бликами. В них нет тепла. Смотря на них, люди отводят взгляд, потому что кажется, что Артем видит их насквозь, видит их слабости, их страхи. Он смотрит тяжело, с прищуром, как прокурор на заседании. На самом деле он просто не знает, как смотреть иначе. Его научили, что взгляд — это оружие. Что если ты покажешь мягкость, тебя съедят. Он эмоционально глух. Это не просто черта характера — это результат многолетней дрессировки. Его детство было учебой по вытравливанию чувств. Бабушка, которая заменила ему родителей в раннем детстве, говорила: «Мужчина — это скала. Если скала треснет, она рассыплется. Не смей плакать». Отец

— Владимир Артемьевич, известный адвокат, человек с железным рукопожатием и стальным голосом, — не бил его, нет. Он просто говорил: «Ты слабак, если покажешь эмоции. Ты проиграешь дело своей жизни, если кому-то станет понятно, что ты чувствуешь. Ты должен быть ножом. Острым. Безжалостным. Только тогда ты победишь». Мать — Елена Викторовна, светская львица, — смотрела на Артема как на проект: «Ты должен быть лучшим. Идеальным. Иначе ты никто».

И он стал. Он вытравил из себя все человеческое. Он не плакал с 12 лет, когда умер его щенок — лабрадор Рекс, единственное существо, которое когда-либо любило его просто так, без условий. Когда Рекс умер, Артем впервые дал себе волю — он рыдал несколько часов, забившись под стол. Отец увидел это, подошел, вытащил его за шкуру и сказал: «Ты что, баба? Прекрати истерику. Это всего лишь собака. Соберись». Артем застыл. Он перестал дышать. И с тех пор он никогда не плакал. Он чувствует только в своей груди, где-то глубоко, под ребрами, ледяную глыбу. Иногда она дает трещину — когда он видит, как в парке дети кормят голубей. Или, когда смотрит на старуху, которая стоит на автобусной остановке с тяжелыми сумками, и никто не помогает ей. Но он тут же зажимает эту трещину. Он переключается на работу. Он заставляет себя думать о кодексах, о статьях, о судебных процессах. Он должен быть холодным. Он должен быть идеальным.

Он хочет быть острее ножа. Это его девиз, который он повторяет про себя каждый день. Острее, чем кто-либо. Он не позволяет себе чувствовать боль, когда ударяется головой о косяк. Он не позволяет себе чувствовать радость, когда выигрывает спорное дело. Он просто функционирует. Как машина. Как станок. Как хирургический скальпель, который режет правду и факты, не замечая крови.

В его квартире — минимализм до стерильности. Белые стены, черная мебель, ни одной книги на полках (он читает только документы). Ни фотографий, ни безделушек, ни растений. Единственное, что напоминает о том, что здесь живет человек — это его сумка с документами и кофемашина. Он пьет черный кофе литрами, до боли в желудке, потому что кофе притупляет голод и не дает уснуть. Он спит 3—4 часа в сутки, просыпаясь от кошмаров, в которых он стоит в пустом зале суда и не может произнести ни слова. Он никого не любит. У него были женщины — красивые, высокие, модельной внешности. Но он не мог чувствовать к ним ничего, кроме раздражения. Они хотели от него эмоций — он не мог их дать. Они хотели тепла — он был льдом. Они уходили, плача, обзывая его роботом. Он пожимал плечами и заказывал новую.

Тинкербель в 2 часа ночи сидит в парке на улице. Тишина. Тинки держит в руках книгу — «Анна Каренина» на открытой странице, где героиня стоит на перроне, глядя на колеса поезда. Тинки перечитывает этот отрывок в десятый раз, и каждый раз ей кажется, что Анна говорит с ней: «Ты тоже хочешь закончить это, да?»

Она закрывает книгу. Она встает. Ей нужно выпить воды, чтобы заглушить голод, который разъедает желудок изнутри. Она делает шаг, и вдруг мир переворачивается. Асфальт уходит из-под ног, как палуба корабля в шторм. Потолок начинает кружиться, лампа расплывается в желтое пятно. Тинки слышит звон в ушах — сначала тихий, потом оглушительный, как набатный колокола. Она хватается за край столба, но пальцы соскальзывают, потому что они дрожат и не слушаются. Тинкербель падает на колени. На холодный асфальт, который пахнет пылью. Она чувствует, как сердце бьется где-то в горле — не ритмично, а рваными, судорожными толчками. В груди — боль, такая острая, что она не может вдохнуть. Она смотрит на свои руки. Они синие. Ногти почти белые. Она пытается встать, но ноги не держат. Она падает на

бок, щекой касаясь лужи — грязной, одинокой, такой же, как она. Тинки чувствует, как холод ползет по ее телу — сначала от ног, потом к животу, потом к груди. Ей становится тепло, хотя температура на улице всего 16 градусов. Это парадокс умирания: перед концом тело обманывает, посылая ложное тепло.

Тинкербель лежит. Ее губы шевелятся, но голос не выходит. Она пытается позвать на помощь, но никого нет. Она одна. Как всегда. Ее веки тяжелеют. Она видит перед глазами круги — сначала зеленые, потом черные. Она чувствует, как жизнь уходит из нее по каплям — вместе с теплом, вместе с воздухом, вместе с последней мыслью. Ее последняя мысль: «Я так хотела быть идеальной... Я так старалась...»*

Она закрывает глаза. Она все еще дышит — но это последние дыхания, редкие и поверхностные. Ее дыхание становится совсем тихим, почти не слышным. Тинкербель чувствует, как ее сознание плывет — она больше не в парке, она в книжном мире, где Анна Каренина идет по перрону, а снег кружится вокруг, и впереди — свет, который кажется теплым. Она шепчет одними губами, беззвучно:

— Пусть я хотя бы в книге буду жить...

На ее щеке — слеза. Последняя. Она скатывается по худой, бледной щеке, падает на раскрытую страницу, на слова. Строка, на которую упала слеза, — это та, где Анна говорит: «Я вижу, что я ничего не могу...»

На улице — идет дождь. Он стучит по стеклу, барабанит по жестяному карнизу. Кажется, что сам город плачет. Или не плачет — просто его жители заняты своей жизнью, никто не знает, что во дворе парка заканчивается чья-то история. Тинкербель засыпает. Она не знает, проснется ли завтра. Но в предсмертном сне ей снится, что она стоит на высокой горе, а ветер обдувает ее лицо, и она чувствует себя легкой-легкой, как пушинка. Она не видит никого. Только небо. Бесконечное, голубое, которое не требует от нее быть идеальной.

Глава 2: Холодный взгляд и падающая звезда

В квартире Артема — тишина. Единственные звуки: тиканье настенных часов, шум холодильника и шелест бумаг, которые он перебирает своими длинными, сильными пальцами. За окном — октябрьская ночь, черная и глубокая, как колодец. Дождь идет уже четвертый час подряд — мелкий, нудный, пронизывающий. Капли стучат по стеклу панорамных окон, собираются в ручейки и стекают вниз, размывая отражение тусклых городских фонарей. Артем сидит за столом. На нем — черная водолазка с высоким горлом, которая обтягивает его широкие плечи и мощную грудь. Рукава закатаны до локтя, обнажая предплечья с выступающими венами и жесткими темными волосами. Его лицо — сосредоточенное, с плотно сжатыми губами и вечно нахмуренными бровями. Он перелистывает страницы дела об убийстве на почве ревности — показания свидетелей, заключения экспертов, фотографии с места преступления. Он смотрит на них без эмоций — как на механический пазл.

Но внезапно его рука замирает. Он хмурится сильнее, проводит пальцем по описи документов. Перелистывает папку назад. Вперед. Еще раз. В его груди нарастает раздражение — глухое, холодное, которое он привык подавлять. Он оставил в офисе городского суда второй том материалов — тот самый, где находятся ключевые экспертные заключения, без которых он не сможет завтра составить итоговое представление для судьи.

— Черт, — произносит он вслух. Голос низкий, сухой, без интонации. Он смотрит на часы. 02:47. Офис уже закрыт, но у него есть ключи. Сторож его знает. Он может заехать, забрать папку и вернуться через полчаса. Он встает из-за стола, и кресло с тихим шипением откатывается назад. Надевает черное пальто — длинное, строгое, итальянского кроя. Поднимает воротник, хотя на улице не ветер, просто дождь. Берет ключи от машины — тяжелую связку, которая звякает в его руке, как оружие. Телефон он засовывает во внутренний карман пальто. На выходе он не смотрит в зеркало — ему не нужно. Он знает свое лицо: бледное, с острыми скулами, глаза цвета льда, короткая щетина, которая делает его похожим на военного.

Он выходит из квартиры. Лифт спускает его вниз с едва слышным гулом. Парковка — подземная, бетонная, пахнет бензином и сыростью. Он садится в свой черный седан — немецкую машину, которая стоит здесь как чужеродный объект среди старых жигулей и «логанов». Двигатель заводится с бархатным, мощным рыком. Он выезжает на улицу.

Город в дождливую ночь выглядит как декорация к постапокалиптическому фильму. Узкие улочки, мокрый асфальт, который отражает свет фар и фонарей в расплывчатых оранжевых пятнах. Ветер гонит по тротуарам мусор — обрывки газет, целлофановые пакеты, сухие листья, которые превратились в кашу. Людей на улицах нет — только редкие машины, которые проезжают мимо, поднимая фонтаны брызг. Артем ведет машину привычно, почти автоматически. Его руки лежат на руле ровно, пальцы не сжимаются — он не напряжен. Он думает о завтрашнем заседании, о формулировках, о том, как построить линию защиты, чтобы прокурор не смог оспорить его доводы. Артем прокручивает в голове статьи Уголовно-процессуального кодекса, цитирует их про себя, как молитву. Это его способ не чувствовать пустоту — заполнить мозг работой.

Он проезжает мимо центрального парка. Это огромное, запущенное место с вековыми тополями и липами, с асфальтированными дорожками, которые уже давно не ремонтировали. Парк тянется вдоль главной улицы на протяжении почти километра. Ночью он выгля-

дит зловеще — голые черные ветви деревьев тянутся к небу, как руки утопленников. Фонари здесь тусклые, почти не горят, и только свет его фар выхватывает из темноты куски мокрого асфальта, скамейки, урны. Артем сбавляет скорость, потому что на этом участке дороги всегда есть ямы. Он смотрит прямо перед собой, на мокрый асфальт, который струится под колесами. Дворники работают ритмично, смахивая потоки воды с лобового стекла.

И вдруг он видит столб. Освещенный фарами, старый бетонный столб уличного освещения, который стоит на краю парковой аллеи, прямо у бордюра. На нем висит оборванная рекламная афиша, которая мокнет и пузырится от воды. Но не это привлекает его внимание. Рядом со столбом, на мокром асфальте, прямо на дорожке, ведущей в парк, он видит что-то темное. Сначала он думает, что это мешок с мусором — такое часто вываливают прямо на улице. Он проезжает мимо. Но в последний момент — на долю секунды — его взгляд цепляется за деталь. Человеческая рука. Тонкая, бледная, почти прозрачная, которая лежит на асфальте ладонью вверх, разжата, безвольная. И волосы — черные, мокрые, которые расплескались по луже, как чернила, пролитые на бумагу. Он нажимает на тормоз. Резко. Машина визжит покрывками по мокрому асфальту, и его тело по инерции бросает вперед, но ремень безопасности впивается в грудь, удерживая его. Сердце — впервые за много лет — делает странный, сбивчивый удар. Он замирает на мгновение, глядя в лобовое стекло.

Девушка лежит на спине. Ее лицо обращено к небу — к черному, дождливому, низкому небу, которое, кажется, давит на землю. Она в огромном сером свитере, который промок насквозь и прилип к ее телу. На ней темные джинсы, тоже мокрые, и кроссовки, одна из которых слетела с ноги. Рядом с ней — раскрытая книга, которая плавает в луже. Страницы разбухли от воды, чернила расплылись. Артем видит корешок — «Анна Каренина». Вода стекает по страницам, и кажется, что буквы плачут.

Его первая реакция — шок. Чистый, первобытный шок, который парализует его на несколько секунд. Он не двигается. Он просто смотрит на эту сцену через мокрое стекло. Дождь заливает лобовое стекло, дворники снова включаются автоматически, размазывая воду, и картинка становится то четкой, то размытой. Девушка не двигается. Ее грудь не поднимается. Она просто лежит, раскинув руки, как распятая.

Затем приходит раздражение. Оно накатывает волной — привычная, защитная реакция. «Какого черта она здесь делает? В два часа ночи? Под дождем? Почему она не встает? Почему она нарушает мой план?» Его челюсть сжимается, мышцы на скулах перекачиваются. Он сжимает ее обеими руками, костяшки пальцев белеют. Он думает о папке, об экспертных заключениях, о том, что ему нужно быть в офисе через десять минут. Он хочет просто нажать на газ и уехать. Он не должен ввязываться. Это не его дело. Это проблема полиции, скорой, прохожих — кого угодно, но не его. Но что-то останавливает его. Что-то, чего он сам не может объяснить. Глубоко внутри, там, где он похоронил все чувства, что-то шевелится — слабое, почти незаметное, как трещина в вечной мерзлоте. Он смотрит на ее лицо. Даже через дождь он видит, какая она бледная. Ее губы — почти синие. Ее глаза закрыты, и ресницы — длинные, черные — лежат на бледных щеках, как опавшие иглы сосны. Она выглядит как фарфоровая кукла, которую бросили в грязь.

Он выключает двигатель. В наступившей тишине он слышит только шум дождя — как барабанная дробь по крыше машины. Артем открывает дверь. Холодный, влажный воздух врывается в салон, ударяет ему в лицо. Он выходит под дождь, и крупные капли немедленно начинают стекать по его лицу, по шее, за воротник пальто. Артем не замечает холода. Он вновь

подходит к девушке. Шаг. Второй. Его ботинки ступают по лужам, разбрызгивая воду. Он останавливается прямо над ней. Смотрит вниз. Вблизи она выглядит еще более хрупкой. Ее лицо — восковое, почти мертвенно-бледное, с острыми скулами, которые выпирают так сильно, что кажется, будто кожа натянута на череп. Тени под глазами — глубокие, фиолетовые, как синяки. Ее рот приоткрыт, и из него вырывается слабое, почти незаметное дыхание — тонкая струйка пара в холодном воздухе.

Она жива. Едва. Он опускается на корточки. Его колено касается мокрого асфальта, и он чувствует, как вода пропитывает ткань брюк. Артем протягивает руку — свою большую, сильную руку — и осторожно касается ее плеча. Пальцы проваливаются в мокрый свитер. Он слегка встряхивает ее, пытаясь привести в чувство:

— Эй. Девушка. Ты слышишь меня?

Голос — низкий, но странно хриплый. Он не узнает свой голос. Обычно говорит сухо, ровно, как прокурор на заседании. Сейчас в его голосе есть напряжение — непонятное, незнакомое. Она не реагирует. Только слышно, как дождь стучит по ее лицу, по ее закрытым глазам. Капли собираются в уголках ее глаз, скатываются по щекам, и кажется, что она плачет. Что она плачет уже много лет, и никто не вытирает ее слезы.

Артем замирает. Его сердце — это железный механизм, который никогда не давал сбоев — вдруг начинает стучать быстрее. Он чувствует, как в груди разрастается странное тепло — не знакомое ему. Он не знает, как это называется. Он не знает, что делать. Внезапно он ощущает себя беспомощным. Он — человек, который привык контролировать все: свои эмоции, свои действия, свою жизнь. А сейчас он стоит на коленях в луже, под дождем, и не знает, что делать с этой хрупкой, безжизненной девочкой. Артем вспоминает, что его учили: «Не вмешивайся. Ты не должен проявлять слабость. Ты должен быть ножом — острым и безжалостным». Но его руки сами тянутся к ней. Он убирает мокрые волосы с ее лица — они холодные, скользкие, как водоросли. Артем видит ее шею — тонкую, как стебель, с бирюзовыми прожилками, которые просвечивают через бледную кожу. Он видит ее ключицы — они выпирают так сильно, что кажется, будто они вот-вот порвут кожу. И в этот момент он понимает, что она не просто упала в обморок. Она умирает. Медленно, но верно. И если он уйдет, она умрет. Мысль о том, что она может умереть, если он просто уедет, обжигает его изнутри. Это не логическое решение — это инстинкт. Глубинный, животный инстинкт, который он считал давно атрофированным. Он должен спасти ее. Он обязан. Впервые за 23 года он делает то, что хочет сам, а не то, что продиктовано условиями, кодексами, правилами. Он делает это, потому что иначе не сможет жить с собой.

Он резко встает. Сбрасывает пальто — дорогое, итальянское, намокшее — и накидывает его на девушку, укрывая ее от дождя. Она такая маленькая под его пальто, что оно закрывает ее почти целиком. Он снова наклоняется и, не раздумывая, подхватывает ее на руки. Она легкая. Страшно легкая. Он поднимает ее так, как поднимают ребенка — без усилий, почти не чувствуя веса. Она весит очень мало. Это кажется ему противоестественным — у взрослой девушки не может быть такого веса. Она у него на руках — хрупкая, беспомощная, мокрая. Ее голова запрокинута назад, черные волосы свисают вниз, касаются его бедра. Ее рука безвольно висит, и он видит ее пальцы — тонкие, синеватые, с поломанными ногтями. Он сжимает зубы.

Артем несет ее к машине. Дождь хлещет по его лицу, по его шее, но он не чувствует холода. Он чувствует только ее — этот странный, почти невесомый груз на руках. Он чув-

ствует, как тонка ее кожа под мокрой тканью. Он чувствует, как ее ребра — все до единого — можно пересчитать через свитер. Он чувствует, как она почти не дышит. Он открывает заднюю дверь машины, осторожно, чтобы не ударить ее головой, укладывает ее на заднее сиденье. Она выглядит там еще более хрупкой — на черной коже сиденья, как потерянная кукла. Артем откидывает мокрые волосы с ее лица. Поднимает веко — зрачок расширен, не реагирует на свет. Он проверяет пульс на шее — он есть, но слабый, нитевидный, как у старого человека.

Артем садится за руль. Его руки трясутся — впервые за много лет. Он вставляет ключ в зажигание, и двигатель оживает с рыком. Он одной рукой нажимает кнопку навигации, чтобы найти ближайшую больницу, другой — сжимает руль так сильно, что кожа натягивается на костяшках. Он смотрит в зеркало заднего вида на девушку, которая лежит на его заднем сиденье, укрытая его мокрым пальто. Она похожа на спящую Снежную Королеву — бледная, холодная, неживая. Он нажимает на газ. Машина срывается с места, прорезая пелену дождя. Скорость — 90 километров в час по мокрой, скользкой дороге. Дворники работают на полной скорости, но дождь все равно заливает стекло — сплошная стена воды. Артем ведет машину, глядя на дорогу с нечеловеческой концентрацией, но мысли у него в голове — хаотичные, разорванные, как лоскуты мокрой бумаги.

Он не знает, кто она. Он не знает, как ее зовут. Он не знает, что с ней случилось.

Она могла выпить. Она могла передозироваться. Она могла просто упасть в обморок от болезни. Или ее ударили. Или ограбили. Или она просто сбежала из дома. Артем не знает. Но он смотрит на ее руки — они тонкие, как ветки, и на них синяки, такие синие, что просвечивают через кожу. Он видит вены, которые вздуваются на запястьях, как реки на карте. Он видит, что ее лицо — не просто бледное, оно восковое, с желтоватым оттенком, как у человека, чье тело уже начало отказывать. Он вспоминает, как поднимал ее. Его сильные руки никогда не чувствовали такой легкости. Артем поднимал девушек раньше — смеющихся, пьяных, которые цеплялись за него в клубах. Они были тяжелыми, полными жизни, с весом, который ощущался как земное притяжение. А эта... эта весит меньше, чем его спортивная сумка. Артем проводит левой рукой по лицу, стирая дождевую воду, и его пальцы сжимаются в кулак.

— Кто ты? — шепчет он, обращаясь к ней через зеркало заднего вида. Она не отвечает. Она даже не открывает глаза.

Артем смотрит на ее лицо. В отражении зеркала он видит, как ее голова безвольно перекачивается на сиденье при каждом повороте. Ее рот приоткрыт, и из него вырывается слабое, прерывистое дыхание — такое тихое, что он слышит его только потому, что в машине полная тишина. Дождь заглушает все звуки. Внезапно он чувствует странный укол в груди. Не физический — эмоциональный. Он пытается подавить его, но не может. Он снова вспоминает ее глаза, которые он видел, когда поднимал веко — они были зеленоватыми, но темными, безжизненными. А потом ему кажется, что он чувствует что-то родное. Что-то знакомое. Пустоту. Тот же ледяной холод, который живет в нем самом. Он смотрит на нее, и ему кажется, что он видит свое отражение в искаженном зеркале — только в женском теле, в более хрупком, более сломанном.

Он думает: «Она тоже хотела быть идеальной. Она тоже не смогла. Она тоже потерялась».

Он не знает, почему приходит к этой мысли. Он даже не может объяснить, откуда она взялась. Но она сидит в его мозгу, как заноза. Она выглядит как человек, который больше не

хочет жить. Артем знает это чувство. Он знает его слишком хорошо и ненавидит себя за то, что он его знает.

Он сворачивает на улицу, которая ведет к городской больнице №3 — старому, обшарпанному зданию с желтым светом в окнах. Он почти доехал. Он сбрасывает скорость, потому что асфальт здесь особенно скользкий — старое покрытие, стертое до блеска. Он переводит взгляд в зеркало заднего вида и внезапно замечает, что ее губы двигаются. Она что-то шепчет. Он останавливается прямо перед въездными воротами больницы, не доезжая до крыльца, чтобы не тратить время на поиск парковки. Он резко поворачивается, ловит ее шепот, наклоняясь к заднему сиденью. Его ухо почти касается ее губ.

Она шепчет — едва слышно, выдыхая слова, как последний воздух из легких:

— Я всего лишь... хотела быть идеальной...

Эти слова врезаются в него, как удар ножа. Он замирает. Его сердце пропускает удар. Он смотрит на ее лицо — на ее закрытые глаза, на ее распухшие от слез веки, на ее потрескавшиеся губы, которые шевелятся, произнося этот приговор. Артем чувствует, как в его груди разрывается что-то огромное, ледяное, что он носил в себе все эти годы. Глыба трескается. Трещина становится глубже, и оттуда, из расщелины, вырывается что-то, что он не может контролировать. Боль. Чистая, первобытная боль за нее. За себя. За всех, кто когда-либо пытался быть идеальным и сгорел. Он сжимает зубы. Артем не может плакать. Он не умеет плакать. Но его голос, когда он говорит, — ломается. Он хрипит, как после долгого молчания.

— Нет. Ты не будешь умирать. Не здесь. Не сегодня. Слышишь меня? Ты не умрешь.

Артем выходит из машины под дождь. Открывает заднюю дверь, берет ее на руки — снова эту невесомую, хрупкую ношу. Она прижимается к его груди, и он чувствует, как слабо колотится ее сердце — такое слабое, что он боится, что оно остановится в любую секунду. Артем бежит к приемному покою. Его ботинки стучат по мокрому асфальту, разбрызгивая воду. Дождь хлещет по его лицу, но он не замечает. Он несет ее, прижимая к себе, как самое ценное, что у него было в жизни, — хотя он знает ее меньше десяти минут. Он врывается в больницу. Двери с шумом открываются. В приемном покое — яркий, режущий глаза свет, запах хлорки и лекарств. Дежурная медсестра с вязаной кофтой, которая читает книгу за стойкой, поднимает голову и замирает с открытым ртом.

— Срочно! — кричит Артем. Он не узнает свой голос — он срывается, почти падает в истерику. — Она теряет сознание! Она почти не дышит! Помогите!

Медсестра срывается с места. Она зовет врачей. Голоса, топот ног, металлический звук каталки. Артем укладывает Тинкербель на каталку, на белую простыню, и она выглядит на ней как ангел, который упал с неба. Ее мокрые волосы растекаются по подушке, как черное масло. Ее лицо — мертвенно-бледное. Врачи что-то говорят ему, спрашивают, кто она, что случилось, но он смотрит на них пустыми глазами. Он не знает. Он ничего не знает. Он знает только ее слова: «Я всего лишь хотела быть идеальной...»

Каталку увозят. Двери реанимации закрываются за ней с шипением. Артем остается стоять в коридоре. Весь мокрый, с белыми, как мел, пальцами, в дорогой, испорченной одежде.

Он смотрит на закрытые двери, из-за которых доносится гул голосов, звон инструментов. Он протягивает руку и прикасается к холодной металлической ручке двери.

Он сделал это. Он спас ее. Он нарушил все правила, которым его учили. Он проявил слабость, но чувствует, что это не слабость. Это единственное, что было правильным в его жизни. Впервые за 23 года он сделал что-то по-настоящему человеческое. Его рука дрожит. Он смотрит на нее, на свою руку, которая впервые за долгие годы кажется ему живой. И понимает: он обязан спасти ее. Не потому, что так надо. Не потому, что его кто-то заставляет. А потому что он хочет этого. Он хочет, чтобы она жила. Хотя бы ради того, чтобы он не чувствовал себя одиноким в своей пустоте.

За окном больницы — продолжается дождь. Он стучит по стеклу, и кажется, что это сама судьба плачет по двум разбитым душам, которые только что встретились, чтобы спасти друг друга.

Глава 3: Диагноз и неловкая ложь

Артем стоит в приемном покое городской больницы №3. Он не помнит, как сюда зашел. Он помнит только, что держал ее на руках, что она была легкой, как перо, и что ее сердце билось где-то под его ладонью — слабо, сбивчиво, как птица, которая бьется о стекло. А теперь он стоит посреди белого, стерильного коридора, и чувствует себя абсолютно чужим. Вокруг него — суматоха. Медсестры в белых халатах носятся с каталками, с лотками, с капельницами. Где-то за стеной кричит ребенок. Где-то плачет женщина. Голоса, звон металлических инструментов, топот ног, скрип резиновых подошв о кафельный пол. Этот хаос кажется ему неестественным — он привык к тишине, к порядку, к контролю. Здесь же все движется слишком быстро, слишком громко, слишком живо.

Артем стоит у дверей реанимации, прислонившись спиной к холодной стене. Его пальто — дорогое, черное, итальянское — валяется на полу, брошенное, мокрое и грязное. даже не заметил, когда снял его. Его водолазка промокла насквозь, прилипла к груди, и он чувствует, как холод проникает в кожу, но не замечает его. А волосы — черные, обычно уложенные, — сейчас мокрые, свисают на лоб неаккуратными прядями. На его лице — застывшее выражение, смесь шока и растерянности. Он не знает, что делать. Артем никогда не был в больнице как посетитель. Он никогда не ждал, когда откроются двери, за которыми кто-то борется за жизнь. Артем привык быть судьей, прокурором, наблюдателем — тем, кто решает судьбы людей на бумаге. А здесь он никто. Просто мокрый мужчина в коридоре, который не знает даже имени девушки, которую привез.

Медсестры переглядываются, когда проходят мимо него. Они видят его дорогую одежду, его фигуру, его лицо — но не знают, что он здесь делает. Одна из них, пожилая, в очках с толстыми линзами, останавливается:

— Вы с ней? — спрашивает она. Голос резкий, профессиональный.

Артем поднимает глаза. Смотрит на нее несколько секунд, прежде чем ответить. Он хочет сказать: «Нет, я просто проезжал мимо, я нашел ее на улице». Но слова застревают в горле. Артем видит, как она смотрит на него — с ожиданием, с требованием. Она ждет от него информации, которую он не может дать. Он просто пожимает плечами:

— Она лежала на земле. В парке. Под дождем.

Его голос звучит сухо, как всегда. Но внутри него — хаос. Он смотрит на дверь реанимации, за которой сейчас борются за ее жизнь, и чувствует, как что-то внутри него сжимается. Странное, незнакомое чувство. Он пытается подавить его, как делал всегда, но не может. Дверь реанимации открывается. Оттуда выходит врач — высокий мужчина лет сорока, в зеленом хирургическом костюме, с усталым лицом и залысынами на лбу. На его бейджике написано: «Дмитрий Сергеевич, заведующий отделением». Он держит в руках планшет с историей болезни, на лице — выражение сосредоточенной озабоченности. Артем делает шаг вперед. Он даже не понял, зачем это сделал. Его тело двигается само.

— Доктор, — говорит он. Голос звучит жестко, почти требовательно, как на заседании суда. — Как она?

Врач поднимает на него глаза. Оценивающий взгляд — быстрый, профессиональный. Он видит дорожную одежду, мокрые волосы, напряженное лицо. Он делает пометку в планшете.

— Вы привезли ее? — спрашивает врач, не отрывая глаз от записей.

— Да.

Врач кивает. Он говорит деловито, но в его голосе чувствуется усталость — он привык работать в ночные смены, привык к чужим трагедиям, к человеческому горю, которое приходит в эти стены каждую ночь.

— Слушайте внимательно. Следующая информация очень важна для ее восстановления. У нее выраженное истощение, — говорит он, наконец поднимая глаза. — Обезвоживание до критического уровня. Уровень сахара в крови — 1.9. Почки работают с перебоями. Сердце — аритмия. Состояние крайне тяжелое. Мы подключили капельницы, внутривенное питание, электролиты. Если бы она пролежала там еще полчаса — она бы не выжила. Вы привезли ее вовремя. Это уже хорошо.

Артем слушает, и его лицо остается неподвижным. Но внутри — внутри его что-то сжимается. Он слышит слова «истощение», «обезвоживание», «сердце с перебоями» — и ему кажется, что это говорят не о ней, а о ком-то другом. О ком-то, кто медленно умирал в одиночестве, и никто не заметил.

— Что с ней случилось? — спрашивает он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Она упала? Ее ударили?

Врач качает головой. Он понижает голос, но говорит четко, профессионально:

— Внешних повреждений нет. Нет следов побоев, нет травм. Это не насильственное воздействие. Это, скорее всего, результат длительного саморазрушения. Я подозреваю, что у нее расстройство пищевого поведения. Анорексия.

Слово врезается в сознание Артема, как пуля. «Анорексия». Он знает это слово. Он слышал его в новостях, в передачах, видел статьи в интернете. Но он никогда не сталкивался с ним лицом к лицу. Он смотрит на врача, и его брови сходятся на переносице.

— Вы уверены?

— Более чем. Ее индекс массы тела очень мал. Это критическая недостаточность. Она почти не имеет жировой прослойки, мышцы атрофированы, внутренние органы работают на пределе. В сочетании с обезвоживанием и отсутствием электролитов это создает прямую угрозу для жизни. Если мы не стабилизируем ее состояние в ближайшие несколько дней, она может просто не проснуться.

Артем молчит. Его челюсть сжимается. Он смотрит на врача, и в его ледяных голубых глазах появляется что-то новое — тревога. Настоящая, глубокая тревога.

— Что вы сделаете для нее? Я оплачу любые расходы, только спасите ей жизнь.

Врач вздыхает. Он смотрит на Артема поверх очков.

— Мы вводим ей питательные растворы, стабилизируем водно-солевой баланс, контролируем сердце. Но это только физическая часть. Если она выживет — а я сделаю все, чтобы она выжила, — то дальше ей понадобится длительное лечение. Психиатрическая помощь, психотерапия, восстановление. Без этого она снова вернется к тому же. Расстройство пищевого поведения — это не просто диета, это хроническое психическое заболевание. Оно не лечится за неделю. И оно опасно тем, что пациент часто не осознает, что болен. Или осознает, но не хочет лечиться.

Артем отводит взгляд. Он смотрит на дверь реанимации, за которой находится она. Эта незнакомая девушка, которая шептала ему на ухо: «Я всего лишь хотела быть идеальной...» Он чувствует, как эти слова проникают в его сознание, как они резонируют с чем-то глубоким внутри него. Он тоже хотел быть идеальным. Он тоже не смог. Он тоже сгорал заживо, только в другом огне. Он переводит взгляд обратно на врача:

— Я сделаю все, что нужно. Что требуется от меня?

Врач смотрит на него с легким прищуром. Он переводит взгляд с лица Артема на его мокрую, испорченную одежду, потом обратно.

— Вы привезли ее, — говорит врач медленно. — Вы вызывали скорую?

Артем хмурится. Он чувствует себя неловко под этим взглядом. Обычно он уверен в себе, он знает ответы на все вопросы. А здесь — он ничего не знает.

— Нет, — отвечает он сухо. — Я просто проезжал мимо. Увидел ее на земле. Привез сюда.

— Хорошо, — говорит он, и в его голосе появляется деловая нотка. — Тогда вопрос. У нее нет при себе документов. Телефон выключен и заблокирован. Мы не знаем, кто она. Нам нужно сообщить ее родственникам, получить согласие на лечение, на возможную госпитализацию. Вы ее парень? Сможете дать нам контакт ее родителей? Должны же знать.

Артем открывает рот, чтобы сказать «нет». Он хочет сказать, что он никто. Что он не имеет никакого отношения к этой девушке, что он просто прохожий, который сделал доброе дело и может уйти. Он должен сказать правду — это логично, это правильно. Но слова застревают в горле. Артем смотрит на дверь реанимации. Он думает о ней — о том, как она лежала на мокром асфальте, о том, как ее волосы плавали в луже, о том, как она шептала свои последние слова. Он думает о ее руках — тонких, синих, с выступающими венами. О том, как она не приходит в себя уже сорок минут, и врачи борются за ее жизнь.

И он чувствует странное, непонятное желание — быть для кого-то важным. Хотя бы для этой незнакомой девушки. Хотя бы для одного человека на этой земле. Впервые в жизни ему хочется, чтобы кто-то от него зависел. Чтобы он мог защитить кого-то. Он не знает, почему. Это не логично. Это противоречит всему, чему его учили. Но он чувствует, что если скажет «нет», если уйдет, оставив ее с врачами и вопросами без ответа, — он не сможет спать спокойно. Он будет видеть ее лицо в своих кошмарах.

Он смотрит врачу прямо в глаза. Его голубые, ледяные глаза становятся теплее — на градус, не больше. Но это заметно.

— Да, — говорит он. Его голос низкий, но в нем нет прежней стали. Он звучит странно мягко, почти неуверенно. — Я ее парень. Конечно, я знаю.

Врач слегка поднимает брови. Он не удивлен, но в его взгляде появляется что-то вроде понимания.

— Хорошо, — говорит он, делая пометку в планшете. — Как ее зовут?

Артем замирает. Он не знает ее имени. Он не знает ничего о ней. Он смотрит на врача, и на мгновение его маска спадает — в его глазах появляется растерянность. Но он быстро берет себя в руки.

— Тинки, — говорит он первое имя, которое приходит в голову. — Ее зовут Тинки. Фамилия... неважно сейчас. Скажите, что я ее парень. Все вопросы — ко мне.

Врач смотрит на него, и в его взгляде появляется легкая тень сомнения. Он видит, что Артем нервничает, что он что-то скрывает. Но он устал, и у него нет времени на допросы.

— Хорошо, — говорит он, закрывая планшет. — Мы сообщим вам, когда она придет в себя. Тинки должна прийти в себя в ближайшие часы, если не возникнет осложнений. Я дам вам список вещей, которые нужно принести: ее одежду, личные вещи, документы. И вы должны объяснить, что с ней случилось. У вас есть время подготовиться.

Артем кивает. Он чувствует, как его сердце бьется быстрее. Он только что солгал врачу. Он только что притворился парнем девушки, которую нашел на улице. И он не знает, зачем. Но внутри него — странное, теплое чувство. Он сделал это не по принуждению. Впервые за 23 года он сделал то, что хотел сам. Ему хочется быть для нее кем-то. Хотя бы сейчас. Хотя бы на время, пока она борется за жизнь.

Тинкербель не помнит, как она оказалась в больнице. Помнит только дождь. Он был всюду — падал на ее лицо, проникал в легкие, заливал ее сознание. Она помнит, что упала. Помнит холод, который стал теплым. И помнит голоса — чей-то низкий, чужой голос, который говорил ей: «Ты не умрешь».

А теперь она лежит на белой, жесткой кровати. Свет режет глаза — слишком яркий, слишком белый. Ее тело не слушается. Тинкербель чувствует, как ее руки привязаны к каталке мягкими бинтами, чтобы она не дергалась. В вену на левой руке вставлена игла капельницы, по прозрачной трубочке стекает холодная жидкость — она чувствует, как она вливается в ее кровь, как она заполняет пустоту внутри. Это неприятно. Это вторжение. Ее тело, которое она так долго контролировала, теперь наполняют чужой жидкостью, чужим питанием, чужим решением. Она пытается открыть глаза. Веки тяжелые, как свинцовые пластины. Тинкербель слышит голоса где-то рядом, но не может понять, о чем говорят. Слова долетают до нее разрозненными фрагментами: «истощение», «анорексия», «критическое состояние». Она слышит это слово — «анорексия». Оно врзается в ее сознание, как игла. Это слово — ее самый страшный враг. Это слово — приговор, который она так долго скрывала от всех. Она скрывала его от родителей, от друзей, от преподавателей. Она носила его в себе, как яд, как раковую опухоль,

которую нельзя показать никому. И теперь его произносят вслух. Врачи знают. Кто-то знает ее тайну.

Тинки чувствует, как стыд пронизывает ее тело — он горячий, липкий, он поднимается из груди, заполняет горло, накатывает волной на глаза. Ей хочется провалиться сквозь землю. Ей хочется исчезнуть. Как они узнали? Кто рассказал им? Кто увидел ее, кто привез ее сюда? Она вспоминает дождь. Вспоминает, что она была одна. И потом — пустота или чьи-то руки. Сильные. Теплые. Ее подняли с земли, прижали к груди. Ей было тепло. Впервые за долгое время ей было тепло. Она хотела остаться в этих руках, но тьма накрыла ее. Теперь она здесь. В больнице. Ее тайна раскрыта. Врачи знают. И тот, кто привез ее, — он тоже знает. Она не видела его лица, только чувствовала руки, только голос, который спас ее. Но она боится встретиться с ним взглядом. Она боится увидеть в его глазах жалость, осуждение или, что еще хуже, понимание.

Гнев начинает подниматься в ней, смешиваясь со стыдом. Она злится на себя — за то, что не смогла контролировать свое тело, за то, что упала, за то, что позволила себе быть слабой. Она злится на мир — за то, что мир требует от нее совершенства, а потом наказывает ее за попытку быть идеальной. Она злится на того, кто привез ее сюда — за то, что он увидел ее, за то, что он сломал ее маску, за то, что он заставил ее столкнуться с реальностью, которую она так долго отрицала. Она хочет кричать. Хочет вырвать иглу из руки, сорвать с себя бинты, убежать отсюда. Но тело не слушается — оно слишком слабо, слишком истощено. Она чувствует только, как слезы, горячие и соленые, текут по ее вискам, впитываются в больничную подушку. Она плачет беззвучно, потому что боится, что кто-то услышит.

Она хочет, чтобы никто не видел ее такой. Она хочет, чтобы все ушли. Она хочет, чтобы она просто исчезла. Провалилась сквозь эту белую койку, сквозь этот стерильный свет, сквозь эту жизнь, которая слишком трудна. Но где-то глубоко внутри, под слоями голода, стыда и страха, она слышит его голос. Тот самый, чужой, низкий. Этот голос не был полным жалости. В нем была сталь. В нем было обещание. И она не знает, почему, но этот голос не дает ей провалиться в темноту окончательно.

Через час, когда ее состояние стабилизируется, врач выходит в коридор. Артем все еще стоит там, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Он не двигался все это время. Высохшая водолазка все еще холодная, прилипшая к телу, но он не замечает. Артем смотрит на дверь, и в его голове — тишина, нарушаемая только мыслями о ней. Врач подходит к нему. Он выглядит уставшим, но его лицо — спокойное, профессиональное.

— Ваша девушка пришла в себя, — говорит он. — Ненадолго, но это хороший признак. Мы поставили ей диагноз — анорексия нервная в тяжелой стадии, в сочетании с дегидратацией и электролитным дисбалансом. Состояние критическое, но мы стабилизировали его. Дальше будет зависеть от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.